

На правах рукописи

Монгуш Шенне Вадимовна

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АҢНААШКЫН ‘ОХОТА’ В
ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Специальность: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре тувинской филологии и общего языкознания филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тувинский государственный университет»

**Научный
руководитель:**

Сувандии Надежда Дарыевна, кандидат филологических наук (10.02.02), доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания филологического факультета ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

**Официальные
оппоненты:**

Бахтикиреева Улданай Максutowна, доктор филологических наук (10.02.01), профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Биткеева Айса Николаевна, доктор филологических наук (10.02.19), руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук

Чугунекова Алена Николаевна, доктор филологических наук (10.02.02), доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Защита состоится «29» марта 2024 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, корпус 2, ауд. 535.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <http://vak.ed.gov.ru> и <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2024 года.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 0500.006
кандидат филологических наук, доцент

Микова С.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование посвящено лингвокультурологической интерпретации языковых единиц тувинского языка, входящих в лексико-фразеологическое поле (ЛФП) *аңнаашкын* 'охота'.

Объективный мир, в котором живет человек, рост его национально-культурного самосознания, трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, с одной стороны, и изменение вектора направленности на гуманизацию научных знаний, с другой, порождает в современной науке интерес к исследованиям интегративного характера. Именно изучение «культурно-обусловленных компонентов», формирующих миропредставление различных этносов, «их образов мира, и анализ ядра их языковых сознаний, <...> выявление и системное описание закрепленных в языках культур, (т.е. ценностей, оценок, установок и т.д.)» обеспечит взаимопонимание и взаимоуважение представителей разных национальностей, населяющих страну [Красных 2016: 6].

Деятельностный подход определяет направление научных изысканий, посвященных взаимодействию человека и окружающего мира. Понятие деятельности является основным в теории современного подхода к анализу мира человека. Тувинская культура, имеющая аутентичный вектор развития, определяет основные виды деятельности тюркоязычных этносов, населяющих Саяно-Алтайское нагорье и Центральную Азию, одним из которых становится охота – самое древнее традиционное занятие тувинского народа. Согласно данным Государственного комитета по охране объектов животного мира Республики Тыва на 2023 г., в республике официально зарегистрировано около 13600 охотников.

Начиная с XX века, полевой метод, позволяющий интерпретировать парадигматические и синтагматические отношения, существующие в том или ином языке, становится востребованным применительно к лексико-фразеологическому материалу. Это объясняется тем, что поле способно отразить все категориальные отношения, представленные в лексике и фразеологии, и выступить в качестве основного инструмента системно-функционального исследования языка.

Степень разработанности темы. Поскольку охота с давних времен является основным видом промысла населения Республики Тыва, охотничья лексика тувинского языка всегда привлекала внимание исследователей, которые стремились с разных сторон изучить данный вопрос и подробно описать не только способы и специфику охоты на животных в рассматриваемом регионе, но и различные лексические составляющие,

характеризующие этот национальный вид деятельности. Впервые упоминание об охотничьей лексике встречается в материалах, собранных известными востоковедами и исследователями тувинского языка В. В. Радловым (1861) и Н. Ф. Катановым (1903), существенный вклад в формирование представлений об этнографии тувинцев внес Ф. Я. Кон (1936), С. И. Вайнштейн (1961, 1972, 1991), Л. П. Потапов (1969), В. К. Даржа (2008 – 2009). Их работу продолжили современные тувинские исследователи В. С. Салчак, Б. Б. Монгуш, Б. Баярсайхан (2010), обратившиеся к изучению речи старожил и текстов разных жанров тувинского фольклора как живому источнику лингвокультурологического материала.

Материалом для лингвистического исследования диалектная охотничья лексика стала во 2-й половине XX в. в работах З. Б. Чадамба (1974), где впервые проведен сопоставительный анализ тоджинского диалекта с литературным языком, и В. А. Боргоякова (2001), который осветил фонетические, семантические и морфологические особенности лексики охоты и рыболовства хакасского языка. Несколько позже М. В. Бавуу-Сюрюн (2018) проанализировала историю возникновения современной системы диалектов и говоров тувинского языка, пути их формирования и подробно рассмотрела лексику рыболовства, оленеводства, яководства как диалектное явление.

В настоящее время интерес к изучению лексики охоты в тувинском языке возрос, о чем говорит её разноаспектное рассмотрение. Е. М. Куулар (2016), А. Б. Ондар (2018), Р. Б. Ховалыг (2018) обращались к описанию традиционной верхней одежды тувинцев, также ими была предпринята попытка провести этимологический анализ и дать культурологический комментарий лексических единиц как литературного, так и диалектного происхождения, однако одежда охотников характеризуется опосредованно. Представление об основных лексико-семантических группах названий промысловых животных и птиц, орудий охоты, функционирующих в речи жителей таежных районов Тувы, имеющих классификация табуированной охотничьей лексики формируют работы тувинских исследователей Ш. Ч. Сат (1981), Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар (2013, 2016, 2017, 2018, 2019). Ученые опираются на достоверные материалы диалектологических экспедиций и включают в свой анализ лингвистическое описание и иллюстративный материал. В коллективной монографии «Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири» [2021] в лингвокультурологическом аспекте языковой картины мира народов Сибири рассмотрена модель бытия человека в неразрывной связи с его внутренним миром и жизненным пространством.

Проведенный обзор источников позволил сделать выводы, что охотничья лексика тувинского языка послужила материалом для исследований ученых разных направлений: лингвистического, этнографического, лингвокультурологического, но специальному системному исследованию в области языкознания тувинская лексика, связанная с охотничьим промыслом, не подвергалась.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная Россия – многонациональное, поликультурное государство, поэтому особый исследовательский интерес вызывают не только язык, культурные традиции, этностереотипы больших народов, но и наследие малых, в частности тувинцев. Процессы глобализации затрагивают внешнюю организацию жизни тувинского народа, а также оказывают разрушительное влияние на ценностные ориентиры, использование родного языка и в целом на патриархальный уклад данного общества. Именно поэтому научно-исследовательский интерес вызывает лексический, фразеологический и паремиологический состав языка, отражающий основные виды хозяйственно-промысловой деятельности коренных тувинцев и содержащий богатую лингвокультурную информацию. Кроме того, отсутствие в современной гуманитарной науке, в частности языкознании, полевой упорядоченности языковых единиц тувинского языка и их лингвокультурологической интерпретации влечет за собой необходимость более глубокого изучения языкового материала. Интерес к данной теме обусловлен тем обстоятельством, что под влиянием экстралингвистических факторов анализируемая лексика в силу определенных исторических процессов подвергается архаизации, порой полностью выходя из употребления. Лексико-фразеологическое поле является сложной структурой, дающей исчерпывающее представление о парадигматических и синтагматических отношениях, существующих в языке, и позволяет подробно изучать языковые репрезентанты как обычных понятий, так и культурно маркированных конститuentов, раскрывающих этнокультурную специфику национальной языковой картины мира. Поскольку лексические единицы, входящие в ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’, не были описаны монографически в тувинской лингвистике, требуется их последовательное комплексное изучение, включающее лингвокультурологическую интерпретацию.

Объектом исследования выступают слова, фразеологизмы и поговорки тувинского языка и его диалектов, составляющие ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’.

Предметом исследования является лингвокультурологический потенциал лексико-фразеологических компонентов ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ в тувинском языке и его актуализация в художественных текстах тувинской литературы и фольклора.

Цель работы заключается в изучении конститuentов ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ в тувинском языке и их лингвокультурологической интерпретации.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) методом сплошной выборки собрать картотеку тувинских слов, фразеологизмов, паремий, составляющих ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’;
- 2) рассмотреть понятия *картина мира, языковая картина мира, национальная картина мира, лингвокультурологический комментарий*; представить трактовки понятий *поле, семантическое поле, лексико-фразеологическое поле*, показав преимущество понятия *лексико-фразеологическое поле* применительно к отобранному материалу;
- 3) охарактеризовать охоту как основной вид деятельности мужского тувинского населения с исторической, этнографической, культурологической и языковой позиций;
- 4) перечислить источники анализа, доказать обоснованность применения метода лингвокультурологического анализа при интерпретации собранного материала;
- 5) представить образ охотника в тувинском языке в виде ТГ *«аңчының мөзү-бүдүжү»* – ‘характеристика охотника’, ТГ *«аңчының даштыкы хевири»* – ‘внешний вид охотника’ и ТГ *«аңчының турлаа»* – ‘пристанище охотника’, снабдив примеры лингвокультурологическим комментарием;
- 6) дать характеристику языкового материала, входящего в состав ЛСГ *«аңнаашкынга хамаарышкан херекселдер болгаш кылдыныглар»* – ‘предметы и действия, связанные с процессом охоты’, сопроводив лингвокультурологическим описанием примеры, вошедшие в состав ТГ *«аңчының дериг-херексели»* – ‘снаряжение охотника’, ТГ *«аңчы ажылының херекселдери»* – ‘приспособления для охоты’, ТГ *«аңнаарының аргалары»* – ‘способы охоты’, ТГ *«аңнаашкын-биле холбаашкан кылдыныглар»* – ‘действия, связанные с процессом охоты’;
- 7) проанализировать конститuentы ЛСГ *«аңчы объекттери»* – ‘объекты охоты’: ТГ *«дуюгуг черлик дириг амытаннар»* – ‘парнокопытные дикие животные’, ТГ *«араатан аңнар»* – ‘хищные животные’, ТГ *«бичии аңнар»* – ‘мелкие звери’, ТГ *«куштар»* – ‘птицы’, представив их лингвокультурологическое описание.

Материалом исследования стала авторская картотека из более 700 единиц. Область лингвокультурологической интерпретации – около 500 единиц, извлеченных методом сплошной выборки из лексикографических источников («Тувинско-русский словарь» под редакцией Э. Р. Тенишева (1968) (ТРС), «Тувинско-русский фразеологический словарь» Я. Ш. Хертека (1975), «Толковый словарь тувинского языка» (ТСТувЯ) под редакцией Д. А. Монгуша (2003, 2011)) и паремиологических изданий

(«Чоннуң чечени. Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр» («Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки») (1976), «Тыва тывызыктар» («Тувинские загадки») (2002), «Тыва үлегер домактар болгаш чечен сөстөр» («Пословицы и поговорки тувинского народа») (2016)), а также из работ исследователей, занимавшихся изучением тувинской лексики, входящей в ЛФП *аңнаашкын* 'охота' (В. К. Даржа, Е. М. Куулар, Э. Б. Нурзат, Л. П. Потапов, С. М. Сат, Н. Д. Сувандии, Р. Б. Ховалыг).

Теоретико-методологической основой исследования стали труды российских исследователей в области общей лексикологии, теории поля (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, И. Е. Беляева, А. В. Бондарко, Л. М. Васильев, С. В. Гринёв-Гриневиц, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Л. А. Новиков, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев, Г. С. Щур и др.), общей паремиологии (О. Б. Абакумова, А. М. Бабкин, В. П. Жуков, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, В.М. Мокиенко, М. А. Кулькова, Г. Л. Пермяков, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семенов и др.), лингвокультурологии, в т.ч. теории и практики лингвокультурологического, лингвокогнитивного и этнокультурного анализа (М. А. Бредис, В. В. Воробьев, И. В. Зыкова, Е. Е. Иванов, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, Ч. К. Ламажаа, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, В. Н. Телия и др.), тюркологии (В. И. Баскаков, Э.Р. Тенишев, М. К. Мусаев, А. М. Щербак, В. И. Рассадин, И. В. Кормушин, А. Н. Биткеева, В. А. Боргояков, М. В. Бавуу-Сюрюн, Е. М. Куулар, Н. Д. Сувандии и др.), лексикологии тувинского языка (Л. С. Кара-оол, А. Я. Салчак, В. С. Барыс-Хоо, К.-М. А. Симчит и др.).

Для решения поставленных в диссертации задач использовались следующие **методы и приемы исследования**: метод дефиниционного анализа, дающий необходимую для дальнейшего анализа лингвокультурологическую информацию, метод семантического анализа, интерпретативный, описательный и сопоставительный методы; метод интервьюирования и беседы; полевой метод; метод сплошной выборки при работе с лексикографическими источниками; статистический прием лингвостатистического метода. Для исследования функционирования конститuentов ЛФП *аңнаашкын* 'охота' был применен логико-семантический метод с использованием метода ступенчатой идентификации, а также метод лингвокультурологического анализа языковых единиц, позволяющий соотнести внутреннюю форму паремий с этноспецифическими представлениями о процессе охоты с целью выявления особенностей языковой и национальной картины мира.

Сам лингвокультурологический анализ как метод научного исследования подразумевает рассмотрение лингвистического объекта с различных сторон с учетом

влияния окружающих явлений, тогда как интерпретация включает истолкование языковых единиц, исходя из условий контекста, в который они включены. В связи с этим под лингвокультурологической интерпретацией мы понимаем прочтение культурных кодов, заключенных в словах и паремиях, входящих в состав ЛФП *аңнаашкын* 'охота' и отражающих особенности восприятия процесса охоты населением Республики Тыва. Посредством лингвокультурологического анализа интерпретируем особенности функционирования языковых единиц ЛФП *аңнаашкын* 'охота' в паремиологических и художественных тувинских текстах.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые систематизирована охотничья лексика тувинского языка, составлено ЛФП *аңнаашкын* 'охота' и дано его полиаспектное описание: представлена лингвокультурологическая интерпретация языковых единиц, входящих в его состав, и показано их контекстуальное употребление; впервые использовано понятие ЛФП применительно к тувинскому языку; работа расширяет представления о национальной картине мира и этнокультурных стереотипах тувинской лингвокультуры, поскольку включает интерпретацию лексических и фразеологических языковых единиц, которые функционируют в художественных текстах.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации языкового материала, служащего для представления охоты как древнейшего промысла тувинцев, и направлена на воссоздание фрагмента национальной картины мира тувинского народа; в существенном вкладе в теорию ЛФП, поскольку впервые предпринята попытка на национальном лексическом и паремиологическом материале большого объема провести семный анализ и представить классификацию языковых единиц; в возможности экстраполирования методики составления ЛФП для других значимых промыслов Центрально-Азиатского региона (рыболовства, оленеводства), в тюркские (шире урало-алтайские языки); в освещении роли когнитивных, этнических и культурологических факторов при лингвокультурологической интерпретации языковых единиц, а также в выявлении функционирования конститuentов ЛФП *аңнаашкын* 'охота' в текстах художественных произведений тувинской литературы и фольклора. Она состоит не только в систематизации языкового материала, но и на основе предложенной теоретической базы, большого языкового материала вносит существенный вклад в теорию лексико-фразеологического поля.

Практическая ценность работы состоит в том, что собранный материал может быть применен при разработке вопросов тувинской лексикологии и диалектологии,

результаты исследования могут быть использованы при преподавании тувинского языка как родного в высших учебных заведениях в рамках лингвокультурологического подхода, а также учтены при составлении этнолингвистического словаря, учебных пособий, чтении спецкурсов по лингвокультурологии, филологическому анализу художественного текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Охотничья лексика занимает особое место в лексической системе тувинского языка, поскольку является отражением древнейшего занятия тувинцев – охотничьего промысла, формирует антропологический образ тувинца-охотника как носителя этнических особенностей малых народов Севера, а также характерного менталитета и ценностной иерархии потребностей, обусловленных своеобразием природного ландшафта, климатических условий местности и спецификой трудовой деятельности.
2. Лингвокультурологическая интерпретация паремиологического фонда, связанного с ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’, позволяет сформировать представление о месте охотника в системе ценностных координат, поскольку его образ наполнен культурными кодами группового сознания народа, которые отражены в традициях и обычаях, соблюдаемых охотниками; охотничьих приметах; пословицах и поговорках об охотниках и диких животных; табу и эвфемизмах, связанных с охотничьей лексикой.
3. Компоненты, входящие в состав ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’, выступают в тувинском языке как способ языковой реализации НКМ, что находит отражение в фольклоре, а также в художественных произведениях тувинских писателей. Лингвокультурологическая информация, заложенная в паремиях, возможна при наличии пресуппозитивных знаний и верифицируется посредством лингвокультурологической интерпретации, предполагающей понимание взаимосвязи языка и культуры тувинского народа.
4. ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ в тувинском языке представляет собой многомерное образование, имеющее гиперо-гипонимическую структуру и отличающееся ассоциативной связью компонентов и состоит из четырех ЛСГ, включающих разное количество ТГ: ЛСГ «*аңчы*» – ‘охотник’ – три ТГ («*аңчының мөзү-бүдүжү*» – ‘характеристика охотника’, «*аңчының даштыкы хевир*» – ‘внешний вид охотника’, «*аңчының турлаа*» – ‘пристанище охотника’); ЛСГ «*аңнаашкынга хамаарышкан херекселдер болгаш кылдыныглар*» – ‘предметы и действия, связанные с процессом охоты’ – четыре ТГ («*аңчының дериг-херексели*» – ‘снаряжение охотника’, «*аңныыр ажылының херекселдери*» – ‘приспособления для охоты’, «*аңнаарының аргалары*» – ‘способы охоты’, «*аңнаашкын-биле холбашкан кылдыныглар*» – ‘действия, связанные с процессом охоты’); ЛСГ «*аңныыр объектилери*» – ‘объекты охоты’ – четыре ТГ («*адыр дуюглуз черлик дириг*

амытаннар» – ‘парнокопытные дикие животные’, *«араатан аңнар»* – ‘хищные животные’, *«бичии аңнар»* – ‘мелкие звери’, *«куштар»* – ‘птицы’).

5. ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ включает в себя слова различных частей речи, объединенные ядерными конститuentами, а также ассоциаты, связанные с характеристикой охотника и его действий.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования обсуждались на следующих научных мероприятиях: Международной научной студенческой конференции (Новосибирск, НГУ, 14–19 апреля 2019 г.); ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов и Году человека труда в Республике Тыва (Кызыл, ТувГУ, 26 октября 2019 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, НГУ, 15–16 сентября 2022 г.); VI Фирсовских чтениях «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, 19 – 21 октября 2023 г.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка условных обозначений, списка использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы; обозначены объект и предмет исследования; сформулированы цель и задачи, которые необходимо решить для ее реализации; выдвинута гипотеза исследования, определено его методологическое и теоретическое обоснование, указаны источники и методы анализа языкового материала; выявлены аспекты научной новизны; сформулированы положения, выносимые на защиту; определена теоретическая и практическая значимость диссертации; представлены результаты ее апробации.

Первая глава «Теоретические основы изучения лексико-фразеологического поля *аңнаашкын* ‘охота’» состоит из 4 параграфов и посвящена теоретическому обоснованию исследования.

В параграфе **1.1. «Понятия *картина мира*, *языковая картина мира*, *национальная картина мира*»** внимание уделено характеристике таких основополагающих дефиниций исследования, как *картина мира* (КМ), *языковая картина*

мира (ЯКМ) и *национальная картина мира* (НКМ), являющихся предметом изучения лингвокультурологии, и рассмотрена их взаимосвязь с понятиями *языковая личность*, *менталитет* и *мировоззрение нации*, способствующими формированию представления об этнокультурных особенностях сквозь призму индивидуально преломленного восприятия национальных культурных ценностей, традиций и обычаев. Именно менталитет и КМ являются основополагающими компонентами знакомства с любой культурой, поэтому понятие ЯКМ нельзя воспринимать вне контекста сознания этноса, особенностей склада его мышления и мировоззрения. НКМ следует рассматривать во взаимодействии с общей КМ, поскольку она тесно связана со знаниями конкретного народа об окружающей действительности и соотнесена с национальными ценностями, которые отражаются в философии, традициях, культуре и его представлениях о мире. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным НКМ определяется нами «как когнитивно-психологическая реальность, обнаруживаемая в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении – физическом и вербальном» [Попова, Стернин 2007: 5]. Национальные особенности отражаются в речи народа, фиксируются в языке и закрепляются в художественных текстах.

В параграфе **1.2. «Понятие лексико-фразеологического поля»** представлены основные теоретические аспекты, связанные с историей возникновения и научным осмыслением понятия *семантическое поле* (СП), поскольку в современной лингвистике оно становится центральным, концентрируя в себе главные проблемы лексической семантики и определяя рассмотрение различных типов отношений между словами в общей системе всех лексико-семантических связей. Под СП вслед за Л. М. Васильевым будем понимать «семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантические классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-грамматические) поля...» [Васильев 1990:126].

Формированию лексико-семантического поля (ЛСП) способствует объединение слов на основании общего семантического признака и ассоциативных связей в словообразовательные гнезда, а также наличие между ними синтагматических (линейных) и парадигматических (нелинейных) отношений. Анализ структуры ЛСП показал, что его подробное изучение позволит сформировать более полное представление о ЯКМ и выявить ее национально-культурную специфику. Поскольку лексическая система языка не может функционировать отдельно от фразеологической системы, можно говорить об интегральном образовании – лексико-фразеологической системе, обуславливающей расширение границ СП. По мнению исследователей, «ФЕ, наряду со словами, являются

неотъемлемыми составляющими ЯКМ», а своим «денотативно-сигнификативным и коннотативным содержанием они покрывают определённые участки концептуальной картины мира» [Мелерович, Мокиенко 2008: 416]. Таким образом, СП, которое, кроме лексем, способно включать в себя фразеологические единицы (ФЕ), образует синтетическое объединение – *лексико-фразеологическое поле* (ЛФП), включающее как лексемы, так и разные разряды фразеологических единиц – от идиом до паремий – на основании наличия общей семы, а также ассоциативных и прагматических связей.

Анализ выявленных в тувинском языке лексем, имеющих отношение к ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’, позволил определить его структуру, состоящую из лексико-семантических групп (ЛСГ), которые включают несколько тематических групп (ТГ), номинативный объем которых позволяет выделять внутри них определенные подгруппы слов, обладающие общими дифференциальными семами.

В параграфе **1.3. «Охота в этнографическом, культурном и лингвистическом освещении»** представлен комплексный анализ источников различного происхождения, позволяющий сформировать целостное представление о ведущем промысле тувинского народа и лучше понять их НКМ. Наиболее полно история тувинской охоты раскрыта в этнографическом аспекте: начиная с XIX в., упоминания о древнейшем промысле встречаются в работах Н. Ф. Катанова, Ф. Я. Кона, В. В. Радлова, П. А. Чихачева и Е. К. Яковлева. Расширили представление об охотничьем промысле тувинцев, комплексно описав особенности этого вида деятельности с использованием исторического и фольклорного материала, такие исследователи, как С. И. Вайнштейн, Л. П. Потапов, Е. Д. Прокофьева.

Особенности фонетического и грамматического строя, а также словарного состава тоджинского диалекта тувинского языка, впервые были описаны лишь во 2 половине XX в. в работах З. Б. Чадамба на основании материалов таких тувинистов, как М. Б. Монгуш, А. А. Пальмбах, В. И. Рассадин, Ф. М. Сулапай (Бартан), Я. Ш. Хертек. В XX в. работа по изучению лексического состава, расширяющего представление о промысловых видах деятельности на территории Тувы и приграничных районах, продолжена М. В. Бавуу-Сюрюн, Б. Баярсайханом, В. А. Боргояковым, Е.М. Куулар, Б. Б. Монгушем, В. С. Салчаком, Н. Д. Сувандии и др.

Кроме того, в разделе приводится краткий обзор лексикографических изданий, ставших основными источниками получения информации, охарактеризованы принципы расположения материала в них, указано общее количество извлеченных единиц, а также включено описание сборников, позволивших воссоздать ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ и

раскрыть лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал паремий, входящих в его состав. Систематизация языкового материала, содержащегося в художественных произведениях, позволила реконструировать ЯКМ тувинцев, а также осмыслить их духовную культуру.

В параграфе **1.4. «Методы исследования охотничьей лексики и фразеологии»** представлены различные трактовки лингвокультурологии как дисциплины, синтезирующей знания в области лингвистики, культурологии, культурной антропологии, когнитивистики и других наук, а также описаны основные методы, используемые исследователями при выявлении культурно значимой информации из лексико-фразеологического состава языка: 1) диахронический метод (Н. Ф. Алефиренко); 2) историко-этимологический анализ (В. М. Мокиенко); 3) метод лингвокультурологической реконструкции концептуальных оснований значений фразеологических знаков и метод лингвокультурологического декодирования и интерпретации культурной информации (И. В. Зыкова); 4) метод лингвокультурологического декодирования и интерпретации культурной информации (И. В. Зыкова); 5) лингвокультурологический анализ (М. Л. Ковшова); 6) полевой метод, обеспечивающий возможность проанализировать культурно маркированные единицы языка различной степени удаленности от ядерной зоны и рассмотреть их в референтивном аспекте. На основании существующих методов исследования, а также с учетом цели и задач работы в качестве основного метода исследования языкового материала нами был выбран лингвокультурологический анализ, который «опирается на НКМ: особенности мировосприятия этноса и знание его традиционной культуры», а также позволяет «произвести квалифицированную реконструкцию этнокультурно детерминированного плана содержания паремии и содержащихся в её компонентном составе образов» [Ломакина 2022: 9].

Во **второй главе «Образ охотника в тувинском языке: лексико-фразеологические особенности»**, состоящей из трех параграфов, представлен лексико-фразеологический материал, раскрывающий особенности характера охотника, его внешнего вида и быта во время отдыха.

Параграф **2.1. «Тематическая группа «аңчының мөзү-бүдүжү» – ‘характеристика охотника’** строится по принципу ассоциативного поля и включает лексемы, способствующие формированию представления о тувинском охотнике. Слова, входящие в ядро ТГ, объединены архисемой ‘ылгавырлыг шынарлары’ – ‘отличительные свойства’, однако они не исчерпывают основных характеристик охотника и могут быть расширены за счет лексем, способствующих созданию художественных образов, на

основании которых воссоздается собирательный образ охотника. Среди дифференциальных сем можно выделить *‘күш-шыдалының хемчээли’* – ‘физические данные’, ‘свойства характера’, ‘способность что-то делать’, ‘возрастные характеристики’, ‘степень опытности’ и т.п.

Проведенный контекстуальный анализ позволил заключить, что лексемы, входящие в состав рассматриваемой ТГ, наиболее ярко создают представление об образе охотника в фольклорных и художественных текстах, поскольку жанры проанализированных произведений позволяют использовать возможности лексической системы языка при создании различных средств художественной выразительности. Образа охотника складывается не только из слов, входящих в семантическое ядро (*шыдамык* – ‘выносливый’, *угаанныг* – ‘умный’, *күштүг* – ‘сильный’ и др.), но и из лексем, образующих периферию ЛСП (*туран дег көскү карактыг* – ‘с зоркими глазами, как бинокль’, *чедишкен назын* – ‘зрелый возраст’, *тайганың кадыг-дошкун агаар-бойдузунга чаңчыккан* – ‘приученный к суровому климату тайги’ и др.). Единичны случаи привлечения пословиц, формирующих представление о качествах охотника.

В параграфе 2.2. «Тематическая группа *«аңчының даштыкы хевирли»* – ‘внешний вид охотника’» описаны 58 наименований, объединенных архисемой *‘даштыкы байдалы’* – ‘наружное состояние’ и формирующих представление о том, какую одежду носили охотники, её предназначении и особенностях экипировки в зависимости от времени года и при разных условиях промысла. Лексический материал представлен 3 подгруппами, в которых словообразующими компонентами являются имена существительные *бөрт*, *тон*, *идик*: *бөрттерниң хевирлери* – ‘виды шапок’, *даштыкы хеп* – ‘верхняя одежда’, *идик* – ‘обувь’.

Лексемы, входящие в состав первой подгруппы *бөрттерниң хевирлери* – ‘виды шапок’ (11), характеризуют традиционные головные уборы с точки зрения периода их ношения, формы и материала, из которого они изготавливались. Вторая подгруппа *даштыкы хеп* – ‘верхняя одежда’ (36) является наиболее многочисленной, поскольку формирует представление об историческом и современном вариантах верхней одежды охотника, мало отличающейся от той, которую тувинцы носили повседневно. Однако все вещи, составляющие экипировку охотника, не только способствовали удобству на промысле и были практичными, но и обеспечивали сохранность здоровья, поэтому изготавливались из натуральных материалов. Лексемы, входящие в состав третьей подгруппы *идик* – ‘обувь’ (12), объединяет общая сема *таваңгай камгалаар кылдыр кылдыган чүүл* – ‘изделие для защиты ступни’, дифференциальными семами выступают

семы, имеющие отношение к функциональному назначению обуви: *'кадыг'* – 'твердые (жесткие)', *'чымчак'* – 'мягкие' и *'чылыг'* – 'теплые', сема *'идиктиң иштики үүрмек кезээ'* – 'внутренняя деталь обуви' является дифференциальной для лексемы *идик оьду* – 'стельки'.

В результате контекстуального анализа выяснилось, что лексемы, образующие ТГ *«аңчының даштыкы хевири»* – 'внешний вид охотника' в сюжетах художественных произведений, связанных с охотничьим промыслом, чаще всего используются в номинативной функции и не всегда помогают понять функциональное назначение тех или иных видов одежды, головных уборов или обуви. Оценка удобства и качества охотничьей экипировки в основном содержится в комментариях информантов. Лишь один из выявленных литературных примеров описывает процесс изготовления *өгдешки* – 'наколенник' и указывает на их практическую значимость [Кудажы 1996, Т.1: 7].

Параграф **2.3 «Тематическая группа «аңчының турлаа» – 'пристанище охотника'»** строится по принципу ассоциативного поля и включает лексемы, способствующие формированию представления об организации быта тувинского охотника во время стоянок и особенностях его мировоззрения. Слова, входящие в ядро ТГ, объединены архисемой *'аңчының дыштаныр чери'* – 'место отдыха охотника' и представлены 9 лексемами. Среди дифференциальных сем можно выделить сему *'чылыгны хандыраар'* – 'обеспечивает тепло' по отношению к лексемам *одаг* – 'костер' и *дөжөк* – 'постель, подстилка', а также сему *'бойдус болуушкуннарындан камгалал'* – 'защита от природных явлений', объединяющую слова, которые обозначают определенный тип укрытия: *чадыр* – 'чум; шалаш; шатер', *казанак* – 'избушка; лачуга', *сери* – 'навес', *ыяш дөзү* – 'место под деревом'. Лексемы *турлаг* – 'стоянка, становище, стан' и *хонаш* – 'ночлег; стойбище' можно считать синонимами, однако среди носителей языка и в текстах произведений чаще используется первый вариант.

Проведенный анализ показал, что тувинскими писателями достоверно воссоздано описание мест, в которых охотники проводят свободное от промысла время. Контекстуальное окружение лексем, входящих в состав ТГ *«аңчының турлаа»* – 'пристанище охотника' формируют целостное представление об особенностях быта и времяпрепровождении охотника. Умение строить жилище в зависимости от погодных условий, разбивать лагерь с учетом особенностей местности, заготавливать дрова и провизию, думая об удобстве человека, оказавшегося на стойбище, формируют представление об охотнике как выносливом, смекалистом, трудолюбивом, приспособленном к суровым условиям тайги, соблюдающем традиции и обычаи предков.

Третья глава «Характеристика лексико-семантической группы «аңнаашкынга хамаарышкан херекселдер болгаи кылдыныглар» – ‘предметы и действия, связанные с процессом охоты’» состоит из четырех параграфов, представленных соответствующими ТГ (*аңчының дериг-херексели* – ‘снаряжение охотника’, *аңныыр ажылының херекселдери* – ‘приспособления для охоты’, *аңнаарының аргалары* – ‘способы охоты’, *аңнаашкын-биле холбашкан кылдыныглар* – ‘действия, связанные с процессом охоты’), и включает лингвокультурологическую интерпретацию лексических единиц, которые входят в их состав.

Параграф **3.1. «Тематическая группа «аңчының дериг-херексели» – ‘снаряжение охотника’»** посвящен анализу 13 лексем, объединенных общей семой ‘*аңныыр херекселдери*’ – ‘охотничьи приспособления’ и позволяющих сформировать представление об охотничьем скарбе, который способствует обеспечению удобства времяпровождения во время промысла. Среди дифференциальных сем можно выделить те, которые подчеркивают назначение вспомогательных предметов, сопровождающих процесс охоты: ‘*барба*’ – ‘сумка’, ‘*дузалал херекселдер*’ – ‘вспомогательные приспособления’, ‘*көжүп, шимчээриниң аргалары*’ – ‘средства передвижения’. Выявлению культурного фона языковых единиц способствовали преимущественно тексты художественных произведений тувинских писателей, а также загадки, позволяющие определить их основополагающие характеристики (например, особенности внешнего вида или назначения – у топора, схожесть с лошадьё и способность развить большую скорость – у лыж).

В параграфе **3.2. «Тематическая группа «аңныыр ажылының херекселдери» – ‘приспособления для охоты’»** описано 49 лексем, расширяющих представление об охотничьем оружии в историческом срезе: от древнейшего вида лука и стрел до современного огнестрельного оружия с подробным описанием его частей. Для 33 номинаций общей семой можно считать ‘*аңнаарының кол дериг-херексели*’ – ‘основные охотничьи приспособления’, 16 лексем, формирующих представление об основных составляющих огнестрельного оружия, позволила объединить в отдельную подгруппу общая сема ‘*боонуң кезектери*’ – ‘части ружья’. Дифференциальные семы указывают на вид оружия: ‘*октаар*’ – ‘метательный’, ‘*соок*’ – ‘холодный’, ‘*оттуг*’ – ‘огнестрельный’, ‘*какпа-дузак азы аң тудар херексел*’ – ‘ловушка или звероловный снаряд’, ‘*дузак*’ – ‘петля’. Примечательно, что употребление данной категории слов находит отражение в тувинском фольклоре и позволяет лучше понять НКМ. Например, при построении загадок с лексемами *ча* – ‘лук’ и *ок / согун* – ‘стрела, пуля’ используются образы животных и

птиц, ассоциирующиеся с данными видами оружия (*Шың иштинде бөрү чыдыр* [Тувинские загадки 2002: 84] – букв. ‘В глубоком лого волк лежит’), а также образы отца и сына (*Чаңгыс оглум даам иштинде калды* [Тувинские загадки 2002: 84] – ‘Единственный мой сын в моей горе остался’). Для обозначения частей огнестрельного ружья используются разные объекты сравнения: мерзлое дерево, крикливый парень или охолощенный верблюд – для ствола ружья, талое дерево – для приклада, рога коровы – для сошки и т.д. Особенное внимание в тувинских загадках уделяется лексеме *ок* – ‘пуля’, в которых подчеркиваются её свойства, внешний вид, специфичность звука, издаваемого при вылете, а также её значимость при выстреле.

В параграфе **3.3. «Тематическая группа «аңнаарының аргалары» – ‘способы охоты’»** рассматривается контекстное употребление 27 лексем с архисемой ‘аңны тударының аргалары’ – ‘способы ловли зверя’, которые описывают индивидуальные и коллективные способы охоты, характеризующиеся различными типами выслеживания зверя, а также диалектная лексика, указывающая на самобытность способов охоты у тувинских старожилов. Дифференциальные семы определялись, исходя из типа способа охоты: сема ‘манаашкын’ – ‘ожидание’ объединяет номинации, характеризующие индивидуальный пассивный способ ловли животных; семы ‘чоокишулаары’ – ‘сближение’, ‘истээри’ – ‘преследование’, ‘боду тудар херекселдер’ – ‘самоловные средства’ отличают номинации, раскрывающие индивидуальные активные способы ловли животных; дифференциальной семой для лексем, обозначающих коллективные способы охоты, можно считать сему ‘бир-ле чүүлдүң дуазы-биле тудары’ – ‘ловить при помощи чего-то’. Приведены примеры диалектной лексики, выявленной исследователями в ходе диалектологических экспедиций и указывающей на распространенные у старожилов способы охоты.

В параграфе **3.4. «Тематическая группа «аңнаашкын-биле холбашкан кылдыныглар» – ‘действия, связанные с процессом охоты’»** анализируется лексика, извлеченная методом сплошной выборки из «Тувинско-русского словаря» Э. Р. Тенишева. Слова, объединенные общей семой ‘аңнаашкын үезинде ажыл-чорудулга’ – ‘деятельность в процессе охоты’, разделены на две подгруппы по тематическому принципу. Первая (дифференциальная сема ‘сорулганы чедип алырда, ажыглаар кылдыныг’ – ‘действие для достижения цели’) включает 38 глаголов и отглагольных существительных, семантически связанных с действиями, производимыми во время охоты, и 10 фразеологизмов, глагольные компоненты которых являются определяющими как по структуре, так и по семантике (*аң болур* – диал. ‘быть убитым (о зверях)’, букв. ‘превратиться в зверя’ [Хертек

1975: 38]; *аң-мең кажырап* – ‘жить только за счет охоты’, букв. ‘ходить за зверями’ [Хертек 1975: 38] и т.п.). Вторая подгруппа (*чүнү тудуп алырын айтып турар кылдыныг* – ‘действие с обозначением объекта охоты’) включает 35 слов, лексическое значение которых раскрывает способ охоты на определенный вид зверей и птиц, 10 из них – диалектные варианты словоупотреблений, выявленные Н. Д. Сувандии (диал. *борзуктаар* / лит. *морзуктаар* – ‘охотиться на барсука’; диал. *мургулаар* / диал. *кышкырап* / лит. *амыргалаар* – ‘охотиться на диких животных при помощи дудки, сделанной из бересты’).

В четвертой главе «Характеристика лексико-семантической группы «*аңныыр объектилери*» – ‘объекты охоты’», состоящей из четырех параграфов (*дуюглуг черлик дириг амытаннар* – ‘парнокопытные дикие животные’, *араатан аңнар* – ‘хищные животные’, *бичии аңнар* – ‘мелкие звери’, *куштар* – ‘птицы’), систематизирован литературный и диалектный материал, формирующий представление о животных, которые представляют интерес для охотника.

В параграфе 4.1 «Тематическая группа «*дуюглуг черлик дириг амытаннар*» – ‘парнокопытные дикие животные’» представлена характеристика 7 подгрупп животных, объединенных архисемой ‘*дуюглуг*’ – ‘копытные’ (*те* – ‘дикий козёл’ (17), *элик* – ‘косуля’ (13), *буур* – ‘лось’ (12), *сыын* – ‘марал’ (12), малочисленными – *иви* – ‘олень’, *аргар* – ‘горный баран’ (3), *торгу* – ‘кабарга’ (2)). Дифференциальными семами для литературных и диалектных наименований животных являются семы ‘*эр-кызы*’ – ‘пол’ (наименования самца и самки) и ‘*назы-хар*’ – ‘возраст’ (взрослые особи и детеныши), а также семы, отражающие внешние признаки: ‘*хемчээл*’ – ‘размер’, ‘*өң-чүзүн*’ – ‘окрас’, ‘*мыйыстар*’ – ‘рога’. В паремиологическом фонде тувинского языка отмечена достаточно низкая частотность использования названий животных. В основе построения загадок лежат внешние особенности и промысловая значимость лишь четырех животных: марала, лося, косули и кабарги. Компоненты *сыын* – ‘марал’ и *те* – ‘дикий козёл’ встретились единожды в погодных и бытовых приметах соответственно, и только образ косули лёг в основу фразеологизмов, описывающих человека.

Параграф 4.2. «Тематическая группа «*араатан аңнар*» – ‘хищные животные’» содержит лингвокультурологическое описание 5 подгрупп животных, с общей семой ‘*араатан*’ – ‘хищные’ (*адыг* – ‘медведь’ (9), *бөрү* – ‘волк’ (8), *дилги* – ‘лиса’ (7), малочисленными – *киш* – ‘соболь’ (3), *морзук* – ‘барсук’ (1)), причем номинация волка представлена исключительно эвфемизмами. Дифференциальными семами для литературных и диалектных наименований животных для подгрупп *адыг* – ‘медведь’ и *дилги* – ‘лиса’ являются семы ‘*эр-кызы*’ – ‘пол’ (наименования самца и самки) и ‘*назы-*

хар – ‘возраст’ (взрослые особи и детеныши), а семы *‘хемчээл’* – ‘размер’ и *‘өң-чүзүн’* – ‘окрас’, отражающие внешние признаки, находят отражение во всех рассмотренных подгруппах. Анализ паремиологического фонда тувинского языка показал, что по частотности использования названий животных самым распространенным жанром является загадка, в которой подчеркиваются преимущественно внешние особенности всех подгрупп животных, кроме волка. Промысловая значимость медведя, волка и соболя отмечается в пословицах, немногочисленные приметы включают в свой состав компоненты *бөрү* – ‘волк’ и *дилги* – ‘лиса’. Образ лисы ложится в основу фразеологизмов, описывающих человека, а образ медведя упоминается в табуизированных идиомах.

В параграфе 4.3. «Тематическая группа «*бичии аңнар*» – ‘мелкие звери’» представлены наименования, обозначающие маленьких животных – грызунов, которые являются у тувинцев объектом охоты для начинающих охотников. Лексемы объединены в 4 подгруппы с общей семой ‘бичии / улуг эвес’ – ‘маленький / небольшой’ (*тарбаган* – ‘сурок’ (40), *дишң* – ‘белка’ (2), *кодан* – ‘заяц’ (2) и *өрге* – ‘суслик’ (1)). Поскольку самой многочисленной по количеству входящих лексем является подгруппа *тарбаган* – ‘сурок’, стало возможным определить наличие дифференциальных сем лишь для неё: семы *‘эр-кызы’* – ‘пол’ (наименования самца и самки) и *‘назы-хар’* – ‘возраст’ (взрослые особи и детеныши), а также семы *‘өң-чүзүн’* – ‘окрас’, *‘хемчээл’* – ‘размер’, *‘ажыл-чорудулга’* – ‘деятельность’, *‘семис’* – ‘упитанный’.

Загадка, являясь самым распространенным жанром по частотности использования названий животных, строится преимущественно на внешних особенностях животных, в подгруппе *дишң* – ‘белка’ упоминается место обитания животного (3), в подгруппе *кодан* – ‘заяц’ – особенности передвижения (2), в подгруппе *тарбаган* – ‘сурок’ – привычки (4). Компонент *тарбаган* – ‘сурок’ встречается в 3 фенологических приметах, а компонент *өрге* – ‘суслик’ – в пословицах.

Параграф 4.4. «Тематическая группа «*куштар*» – ‘птицы’» представлен лексемами, которые объединены архисемой *‘чүг-биле шыптынган дириг амытаннар’* – ‘животные, покрытые перьями’ и разделены на 2 подгруппы на основании участия птиц в процессе охоты: 1) *аңнаашкынның объектиси болур амытаннар* – ‘особи, служащие объектом охоты’ (13) и 2) *аңнаашкын үезинде кады чоруур амытаннар* – ‘особи, сопровождающие процесс охоты’ (5). Наименования птиц имеют достаточно узкое номинативное поле. Слова первой подгруппы объединяются общей семой *‘даштыкы демдектери’* – ‘внешние признаки’, а различаются дифференциальными семами *‘хемчээл’* – ‘размер’, *‘чурттап турар чер’* – ‘место обитания’, *‘өң-чүзүн’* – ‘окрас’, *‘эр-кызы’* –

‘пол’. Для номинаций, входящих в состав второй подгруппы, архисемами можно считать сему ‘араатан’ – ‘хищные’ и сему ‘хемчээл’ – ‘размер’, тогда как дифференциальной выступает сема ‘өң-чүзүн’ – ‘окрас’. Проведенный анализ лексем рассматриваемой ТГ показал, что частотность использования названий птиц в качестве компонентов паремиологических единиц достаточно низкая. Внешние характеристики тетерева, глухаря и ворона лежат в основе загадок, особенности поведения ворона послужили причиной возникновения отдельных примет.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, обобщаются результаты исследования, содержатся выводы по обозначенной тематике и приводится ряд перспектив диссертационного исследования: 1) дальнейшее исследование ЛФП *балыктаашкын* ‘рыболовство’ на примере литературной и диалектной лексики с привлечением фразеологии тувинского языка; 2) изучение лексики, фразеологии и паремиологии распространенных народных промыслов на материале других языков Саяно-Алтая с последующим представлением в виде ЛФП с лингвокультурологической интерпретацией; 3) опираясь на опыт отечественных исследователей, проанализировать контекстуальное использование конstituентов рассматриваемого поля в тувинской художественной литературе и фольклорных текстах.

Библиографический список включает около 250 наименований, в т. ч. научные и лексикографические работы, художественные тексты.

Приложение содержит глоссарий, который состоит из перечня лексем и паремиологического материала, выявленного в ходе работы над диссертационным исследованием и вошедшего в ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ с переводом на русский язык и указанием на источник фиксации отобранных лексических единиц, а также 4 схемы, раскрывающие содержание ЛФП *аңнаашкын* ‘охота’ и трех ЛСГ, входящих в его состав.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях

Статьи, опубликованные в МБЦ Scopus

1. Дамбаа, Ш. В. Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) / Ш. В. Дамбаа, Н. Д. Сувандии. // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 4. – С.172–185 (0,87 п.л.)
2. Монгуш, Ш. В. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках / Ш. В. Монгуш, Е. Е. Иванов. // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 3. – С.65–83 (1 п.л.)

Статьи, опубликованные в изданиях ВАК МНиВО РФ:

1. Дамбаа, Ш. В. Охотничья лексика в языковой картине мира тувинцев / Ш. В. Дамбаа. // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1(86). – С. 293–295 (0,2 п.л.).
2. Дамбаа, Ш. В. Орудия и способы ловли дикого зверя и рыбы в тувинском языке: история и современность / Ш. В. Дамбаа. // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2(87). – С. 591–594 (0,25 п.л.).
3. Дамбаа, Ш. В. Лексико-семантические группы названий диких животных в охотничьей лексике тувинского языка (на материале тоджинского диалекта) / Ш. В. Дамбаа, Н. Д. Сувандии. // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 372–374 (0,2 п.л.).

Статьи, входящие в перечень РУДН

1. Дамбаа, Ш. В. Лексические средства репрезентации концепта ОХОТА в тувинском языке / Ш. В. Дамбаа. // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2 (49). – С. 755–761 (0, 3 п.л.)
2. Дамбаа, Ш. В. Фразеологические средства репрезентации концепта ОХОТА в творчестве К.-Э.К. Кудажи / Ш. В. Дамбаа. // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 195–198 (0,25 п.л.)
3. Монгуш, Ш. В. Роль паремий в репрезентации концепта ОХОТА в тувинской лингвокультуре / Ш. В. Монгуш. // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3 (54). – С. 758–762 (0, 3 п.л.)
4. Монгуш, Ш. В. Отражение традиций рыболовства в тувинских паремиях (на фоне русского языка) / Ш. В. Монгуш, Н. Д. Сувандии. // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1. (в печати) (0,25 п.л.).

Статьи, опубликованные в РИНЦ

1. Дамбаа, Ш. В. Названия месяцев народного календаря тувинцев-тоджинцев, связанных с охотой, рыболовством и собирательством / Ш. В. Дамбаа. // Языкознание: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. – С. 74–75 (0,12 п.л.)
2. Дамбаа, Ш. В. Использование охотничьей лексики в рассказе Салчака Тока «Бөрүлөрни аңнаары» / Ш. В. Дамбаа, Н. Д. Сувандии. // Научные труды Тувинского государственного университета. Выпуск XVIII: материалы ежегодной научнопрактической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов и Году человека труда в Республике Тыва (26 октября 2019 г.). – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2019. – С. 31–32 (0,12 п.л.)

Монгуш Шенне Вадимовна
(*Российская Федерация*)

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АҢНААШКЫН ‘ОХОТА’ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Диссертационное исследование посвящено лингвокультурологической интерпретации языковых единиц тувинского языка, входящих в лексико-фразеологическое поле *аңнаашкын* – ‘охота’. Объектом исследования выступают слова, фразеологизмы и поговорки тувинского языка, составляющие лексико-фразеологическое поле *аңнаашкын* – ‘охота’. Материалом исследования стала авторская картотека, состоящая из более 700 единиц. Область лингвокультурологической интерпретации составляет около 500 единиц, извлеченных методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также из работ исследователей, занимавшихся изучением тувинской лексики, входящей в лексико-фразеологическое поле *аңнаашкын* – ‘охота’.

В ходе исследования систематизирована охотничья лексика тувинского языка, составлено лексико-фразеологическое поле «*аңнаашкын*» – ‘охота’ и дано его полиаспектное описание: представлена лингвокультурологическая интерпретация языковых единиц, входящих в его состав, и показано их контекстуальное употребление; впервые использовано понятие лексико-фразеологического поля применительно к тувинскому языку; работа расширяет представления о национальной картине мира и этнокультурных стереотипах тувинской лингвокультуры, поскольку включает интерпретацию лексических и фразеологических языковых единиц, функционирующих в художественных текстах.

Результаты диссертационного исследования могут найти применение при разработке вопросов тувинской лексикологии и диалектологии, в преподавании тувинского языка как родного в высших учебных заведениях в рамках лингвокультурологического подхода, а также учтены при составлении этнолингвистического словаря, учебных пособий, чтении спецкурсов по лингвокультурологии, филологическому анализу художественного текста.

Mongush Shenne Vadimovna
(*Russian Federation*)

LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELD АҢНААШКЫН ‘HUNT’ IN THE TUVAN LANGUAGE: LINGUOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION

The dissertation work is devoted to the linguocultural interpretation of the linguistic units of the Tuvan language included in the lexical and phraseological field “*аңнаашкын*” – ‘hunting’. The object of the study are words, phraseological units and proverbs of the Tuvan language, that are components of the lexical and phraseological field “*аңнаашкын*” – ‘hunting’. The study material was the author's data base, consisting of more than 700 items. The area of linguocultural interpretation is about 500 units, extracted by continuous sampling from lexicographic sources, as well as from the works of researchers who studied Tuvan vocabulary included in the lexical-phraseological field “*аңнаашкын*” – ‘hunting’.

In the course of the study, the hunting vocabulary of the Tuvan language was systematized, the lexical-phraseological field “*аңнаашкын*” – ‘hunting’ was compiled and its multi-aspect description was given: a linguocultural interpretation of the linguistic units included in its composition was presented, and their contextual use was shown; the concept of lexical-phraseological field was used for the first time in relation to the Tuvan language; The work expands the understanding of the ethnic worldview and ethnocultural stereotypes of Tuvan linguistic culture, since it includes the interpretation of lexical and phraseological language units functioning in literary texts.

The results of the dissertation work can be used in developing issues of Tuvan lexicology and dialectology, in teaching Tuvan as a native language in higher educational institutions within the framework of the linguoculturological approach, and also taken into account when compiling an ethnolinguistic dictionary, teaching aids, teaching special courses in linguoculturology, and philological analysis of literary texts.